

Вера Афанасьева.

Открытое письмо министру образования РФ Ольге Васильевой

Пять признаков тяжелой болезни

Уважаемая Ольга Юрьевна!

Прошу Вас на основании моего письма радикально изменить «Федеральную программу развития российского образования на 2016-2020 годы», поскольку она в принципе не способна решить основные проблемы российского образования, изложенные ниже. Я сформулировала эти проблемы, обобщив отклики на мои публикации о состоянии современной высшей школы, поступившие со всех концов страны и в значительной степени отражающие общественное мнение.

Образование — стратегическое, наиболее устремленное в будущее направление государственной политики. От него зависит развитие культуры, науки, технологий, благополучие государства. Российское образование имеет славные традиции, но сегодня оно находится в бедственном, плачевном положении. Оно давно и тяжело болеет, и налицо признаки этой болезни.

1. Тотальная нищета.

Государственные вложения в российское образование чрезвычайно малы и не позволяют ему достойно существовать. У нас ветхая высшая школа — разрушающиеся здания, обшарпанные аудитории, допотопное оборудование, оставшиеся еще от СССР книги и учебные пособия. Естественные факультеты, традиционно являющиеся гордостью университетов, в отсутствие подлинного интереса страны к фундаментальной науке выживают из последних сил. Гуманитарные, чтобы хоть как-то свести концы с концами, распyleют накопленный академический арсенал на все новые и новые модные направления подготовки, чем умаляют свой изначальный профессионализм. Постоянное сокращение числа бюджетных мест уменьшает и без того крохотное финансирование.

Преподаватели вузов и школьные учителя получают нищенскую, унижительную зарплату, недостойную высокообразованных людей. Достаточно сказать, что жалование провинциального профессора составляет смехотворную сумму — менее 500 евро, что гораздо меньше пособия по безработице в развитых странах и на порядок меньше зарплаты европейского профессора. Это превращает российских преподавателей в люмпен-пролетариев умственного труда, вынужденных постоянно искать дополнительные источники существования, что плачевно сказывается и на качестве их труда, и на их здоровье. Не лучше обстоит дело и у школьных учителей.

При таких смехотворных зарплатах преподавателей существуют еще и многочисленные скрытые недоплаты. Важным механизмом недоплаты преподавателям является чудовищная часовая нагрузка (перегрузка!), не учитывающая время, необходимое для подготовки к занятиям и для научных изысканий. Не должен, не может профессор читать по семь лекций в неделю! Но

читает и от этого изнуряется, эмоционально выгорает, испытывает перманентный стресс, болеет. Увеличение нагрузки преподавателей без повышения зарплаты низводит фактическую оплату одного часа до уровня оплаты неквалифицированного труда. Установление необоснованного соотношения числа преподавателей к числу студентов 1:10 имеет следствием массовое сокращение числа преподавателей и еще большую перегрузку оставшихся. Стало общей практикой и то, что сотрудники вузов из своих мизерных зарплат сами оплачивают научные командировки, публикацию научных работ, монографий, учебников, организацию конференций.

Нищета большинства особенно очевидна на фоне всем известного финансового благополучия вузовских администраций, бесстыдство которых позволяет им иметь зарплаты в десятки, а иногда и в сотню раз превышающие зарплаты своих подчиненных, – зарплаты, которых в России не удостоиваются даже гении. Это противоестественное и безнравственное расслоение является еще одним немаловажным источником недоплат преподавателям. К теме неприлично богатой вузовской администрации примыкает всем известная тема коррупции в образовании, которая достигает самых высоких уровней. Так, в настоящее время расследуется коррупционное дело в Министерстве образования Саратовской области.

Чудовищная нищета российского образования – подлинная национальная катастрофа. Доводя образование до нищеты, государство с необходимостью обеспечивает скорое собственное обнищание и неминуемый упадок, ведь хорошо известно, что каждый рубль, вложенный в образование сегодня, возвращается десятикратной прибылью в недалеком будущем.

2. Бумажная паранойя и канцелярская шизофрения

Российское образование в последние годы превратилось в безумную контору. Вот формула этого превращения: «конторизация образования = беспрецедентная бюрократизация + абсурдная канцеляризация + бессмысленная формализация + жесточайший чиновничий диктат».

Российское образование буквально погребено под горами никому не нужных документов, завалено бессмысленной отчетностью, задавлено чиновничьими предписаниями – и лавина бумаг катастрофически растет. Постоянно меняющиеся федеральные образовательные стандарты не приносят ничего нового по существу, зато делают из образования неэффективную механическую машину, основной целью которой становится производство и воспроизводство бумаг. Постоянно меняющаяся самодовлеющая форма вытесняет интеллектуальное содержание, делает его ущербным.

Преподаватели всей страны, от Петропавловска-Камчатского до Калининграда, сегодня превратились в бесплатных клерков, в писарей, в машинисток. Люди изнемогают от многократного переписывания программ, составления бесчисленных отчетов, заполнения одних и тех же анкет. Ума не приложить – куда девается все написанное? Где складироваться все эти горы измаранной бумаги? Зато совершенно очевидно, кому они нужны – чиновникам, которые только этим бумажным потоком и могут оправдать собственное

существование, прикрыть отсутствие фактической положительной работы. А возможно – и тем, кто пытается заполнить всякой чепухой самые образованные головы страны, отвлечь интеллигенцию от свободомыслия, не дать ей время задуматься о проблемах страны, о судьбах Родины.

Эта бессмысленная канцелярщина, это бездарное бумагомарание уносят у людей, силы, здоровье, жизнь; не оставляют времени на подготовку к занятиям, научные изыскания, отдых. А самое страшное – занимают мысли, вытесняют из умов великие педагогические цели и научные идеалы. Труд по писанию и переписыванию в большинстве своем не оплачивается – это не только ничтожный и оскорбительный, но и рабский труд.

Люди с тревогой ждут новых бумажных кампаний, которые, как известно, грядут. Постепенно вводится и система «эффективных контрактов», призванная измерять неизмеримое, оценивать (причем очень дешево!) бесценное, и эта очередная благоглупость обозначает новый виток чиновничьего диктата в образовании, эскалацию всеобщей хронической усталости и возгонку повсеместного страха.

Как результат, подлинная деятельность подменяется ИБД. Настоящие начинания – отписками-приписками-переписками-дописками-списками. Открытия – сокрытиями. Качество – количеством. Ум, знание, таланты – умением составлять отчеты. Достойным преподавателем отныне считается не тот, кто хорошо преподает, а тот, кто успевает писать бесчисленные бумаги.

Все, что происходит при этом, – симуляция, фикция, фальсификация, манипуляция, престиджитация, блеф, жонглирование канцеляризмами и фокусы с Ничто. Все, что при этом производится, – пшик, дырка от бублика, видимость, кажимость, фантом, симулякр. Не новые инновации. Никак и никак нереализуемые акции. Неэффективные и неметодичные методики эффективности. Никого не включающая инклюзия.

Вечная пишущая машинка. Взбесившийся принтер. Бумажная суета сует. Циркулярное увеличение энтропии Вселенной. Целеполагающий абсурд. Документальная паранойя.

Призрак бродит по России, призрак канцеляризма. И пугает не только преподавателей вузов и школьных учителей, но и врачей, работников социальной сферы, деятелей культуры. А насильственная канцеляризация всей страны рождает «бумажное образование» и убивает подлинное.

Всероссийская писанина бессмысленных бумаг стоит огромных денег и наносит колоссальный вред отечественной экономике. Она имеет КПД паровоза, ведь высококвалифицированный специалист, ученый, занимаясь тем, что может сделать любая секретарша, подобен логарифмической линейке, которой забивают гвозди. И забиваются эти гвозди в крышку гроба российского образования. А государство тратит на эту смертельную глупость значительную часть отпущенных на образование средств, и без того крохотных

3. Патологическая ложь – псевдология и мифомания.

Сегодня российское образование есть единое поле непрерывной болезненной лжи.

Самая большая ложь – наше образование по сути своей осталось советским, а мы дружно делаем вид, что оно западное. Неловко подражаем западным образцам, но не достигаем их. Например, у нас не прижился институт магистратуры, но мы лжем, что он нормально функционирует, и заманиваем в магистратуры всех подряд, загоняем в них даже докторов наук, абсурдным образом понижая их квалификацию.

Мы лжем против истины, когда в угоду непродуманным рейтингам и в погоне за копеечными баллами пишем псевдостатьи и квазимонографии. Лжем, списывая у самих себя научные результаты, полученные в ту счастливую добумажную эпоху, когда у нас еще было время подумать. Лжем, второпях списывая у других, и лжем, что «Антиплагиат» защищает от повального списывания. Лжем, формально и заочно участвуя в научных полуконференциях. Лжем, что размещение в «eLIBRARY» эквивалентно научной известности. Лжем, укладывая выстраданные нами результаты в прокрустово ложе замусоренных канцеляризмами диссертаций, Лжем в экспертизах, потворствуя бездарным или наспех сделанным работам из-за страха не угодить вышестоящим или из сочувствия к таким же, как мы, замученным. Лжем, что все академики – это академики, а профессора и доценты – поголовно профессора и доценты.

И все эти частные, личные, мелкие неправды сливаются в одну огромную, губительную ложь – недоделанную, неоригинальную, списанную-переписанную-недописанную недонауку.

Мы лжем, отписываясь за то, чего не делали. Лжем, что создаем новые педагогические продукты. Лжем, измотанные и отупевшие, что учим студентов, когда во время бумажных авралов читаем неподготовленные лекции. Лжем, выставляя оценки. Лжем, что во всем согласны с администрацией. Лжем, скрывая собственные идеи и взгляды. Лжем, что ЕГЭ полезно и объективно. Лжем, что Сколково не хуже Силиконовой долины. Лжем, что в России превосходное образование и наука, способная догнать и перегнать. Наши носы давно уже вытянулись от лжи, а глаза ужасно косят, но мы все лжем, лжем, лжем.

Ложь наказуема – и нас накрыла повальная ангедония, мы в плену неустранимого уныния. Мы давно уже забыли о радости научного общения, о профессиональном энтузиазме, об удовольствии говорить правду, о наслаждении поиском истины.

4. Девальвация знания

Сегодня молодежь ориентирована на получение дипломов, а не систематических знаний. Реальность убеждает: образование само по себе не способствует карьере, не составляет основу социального успеха, не почитается, не уважается. Образованность подменяется дипломированностью, профессионализм – умением устроиться и приспособиться.

Обесценивание знания и просвещения имеет серьезные материальные основания – сложная экономическая ситуация в стране, непредсказуемость будущего выпускников вузов, трудности в поиске работы. Но не менее зна-

чительными являются и ментальные основания этого явления: безнравственность; ломка традиций; разрушение прежней системы ценностей; отсутствие культуры образования, идеологии образования.

Пудовой гирей на чашу обесценивания отечественного образования упало придание ему статуса УСЛУГИ, что уравнило учителя, преподавателя с продавцом, официантом, домработницей, маникюршей, банщиком, прачкой, мусорщиком. Сделать это мог только враг российского образования, а значит – и враг России, и вред от этого насильственного акта неизмерим. Принимая образование в качестве услуги, можно делать недопустимые вещи: не уважать, не слушать, не верить, презирать, пренебрегать, не учиться. Интересно, что сказали бы по этому поводу такие российские педагоги, как Вавилов или Ландау?

Поднять значимость образования – значит изменить нравственные идеалы нескольких поколений. Это многотрудный и многолетний путь, сопряженный с продуманной государственной политикой, с целой системой долгосрочных мер. Но без этого нельзя не только сохранить великую российскую культуру – нельзя выжить.

5. Душевное нездоровье

Оно складывается из страха, суетности умов, скудоумия, лживости, лицемерия.

Страх господствует в системе российского образования – вернее, многочисленные страхи. Они связаны с нашей нищетой, с ужесточением административного контроля, с существованием рычагов давления, с помощью которых из сферы образования можно устранить любого. Страх перед начальством. Страх потери работы. Страх показаться политически нелояльным. Страх быть не христианином. Страх перед очередными бумажными компаниями. Страх упасть во время рейтинговой гонки. Страх перед студентами. Страх остаться без студентов.

Эти страхи заставляют нас терять человеческое лицо, забывать о достоинстве. Университеты давно уже перестали быть оплотами свободомыслия, столь необходимого любому здоровому обществу. И в этих условиях любое правдивое высказывание воспринимается как подвиг или сумасшествие.

В сфере образования практически нет настоящих профсоюзов, которые отстаивали бы наши интересы – существующие в большинстве своем раздают лишь убогие подарки на бывшие советские праздники да путевки в ветхие, еще советские, профилактории. Да что профсоюзы – у нас давно нет простого товарищества! Мы молчим, предаем, не заступаемся, уступаем произволу. Но трусливый не может быть учителем, не годится в воспитатели. Запуганный всегда глуп.

Наши мысли сегодня суетны. Головы заняты не тем, как сеять разумное, доброе, вечное, и не предметами наших исследований. Мы думаем о часах, зарплатах, рейтингах, бумагах, реакции начальства. О том, как не проштрафиться, успеть, угодить, схитрить, улизнуть. Канцелярское насилие

наносит непоправимый урон нашим некогда светлым умам, приводит к скудоумию. Скудоумие питается творимой нами полунаукой, мелочностью намерений, фрагментарностью мышления, отсутствием подлинной цели.

О лживости сказано уже достаточно. Ее постоянный спутник – лицемерие.

Истинность сказанного легко проверить – достаточно высокопоставленным чиновникам от образования погрузиться в реальность. На годик-другой оставить свои высокие кресла и поработать профессорами или доцентами в каком-нибудь славном губернском городе N. Пожить на преподавательскую зарплату. Всласть почитать лекции, штук пять-семь в неделю, разбавляя их таким же числом семинаров – чтобы слегка отдохнуть, а заодно и послушать, как славно подготовлены к высшей школе после ЕГЭ нынешние студенты. В свое удовольствие пописать – программы, ФОСы, отчеты, анкеты, портфолио, а между ними – научные статьи и монографии, достойные хоть какого-нибудь цитирования. С энтузиазмом поруководить – аспирантами, подрабатывающими продавцами, и докторантами, читающими по пять-семь лекций в неделю, а в свободное время пишущими все те же программы и отчеты. А еще лучше – делать это в двух вузах сразу, чтобы свести концы с концами. Вот тогда-то они и узнают доподлинно, чем дышит современное российское образование. Но только делать это следует инкогнито – для чистоты эксперимента.

Я только сформулировала проблемы, решать их не мне. Образование есть только часть еще большей системы, которая именуется государством. И многие болезненные симптомы нельзя устранить, реформируя только образование.

Но кое-что все-таки могу подсказать и я. Нет денег? Прекратите тратить их на бумагомарание, сократите чиновничий аппарат, ограничьте зарплату вузовской администрации, активнее искореняйте коррупцию. Нет успехов? Дайте людям работать, а не отчеты писать; прекратите руководить каждым шагом творческих людей. Падает престиж? Начните с того, что избавьте образование от клейма «услуга».

В любом случае, концепция современного российского образования требует серьезнейших, глубочайших изменений. И позитивными эти изменения могут стать только в том случае, если будут опираться на мнение преподавателей вузов и школьных учителей, на подлинные образовательные инициативы снизу, которые уже появляются.

А я желаю российскому образованию здоровья и благополучия.

Доктор философских наук, кандидат физико-математических наук,
профессор кафедры философии и методологии науки
Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
Афанасьева Вера Владимировна